

Научная статья
УДК 378.4:316.723"18/19"
doi: 10.17223/15617793/521/18

Социокультурный облик дореволюционного студенчества в позднеимперский период: общеимперский и периферийный контексты

Сергей Максимович Шадрин¹, Виктор Владимирович Расколец²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ sergschadrin@yandex.ru

² predator-101@mail.ru

Аннотация. На основе нормативно-правовых документов, материалов личного происхождения и трудов современников конструируется социокультурный облик студенчества российских университетов в позднеимперский период. Выявляются основные черты государственной политики по формированию культурного облика студенчества. Воссоздается социальный портрет студенчества. В контексте общероссийского исследуется студенчество Императорского Томского университета (ИТУ). Делается вывод о том, что их ключевое отличие было заложено в социальном происхождении, обусловившем специфический культурный облик группы.

Ключевые слова: социокультурный облик, этос, социальный портрет, дореволюционный университет, студенчество, Томский университет

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Шадрин С.М., Расколец В.В. Социокультурный облик дореволюционного студенчества в позднеимперский период: общеимперский и периферийный контексты // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 170–181. doi: 10.17223/15617793/521/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/18

Socio-cultural image of pre-Revolutionary students in the Late Imperial period: Imperial and peripheral contexts

Sergey M. Shadrin¹, Viktor V. Raskolets²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ sergschadrin@yandex.ru

² predator-101@mail.ru

Abstract. The socio-cultural image of Russian university students in the late Imperial period is constructed on the basis of normative and legal documents, materials of personal origin and the works of contemporaries. The main features of the state policy on the formation of the cultural image of students are revealed. It is emphasized that the state policy on the formation of the cultural image of students in pre-revolutionary Russia was mainly focused on the formation of patriotism and loyalty and the introduction of restrictions necessary for the security of order. It is noted that the students of the Russian Empire were characterized by their omnipotence. The predominance of the noble-official group in the social portrait of students did not mean their dominance here – corporate identity absorbed class isolation. This was even more typical for the late Imperial period, when the processes of democratization of higher education were outlined. The poor material and living situation of the late Imperial students is noted. It is indicated that various institutions, such as fraternities, have become a response to harassment by government institutions and poor living conditions. The main features of the cultural image of students are analyzed: the perception of oneself as an advanced social group, solidarity and mutual assistance, the presence of a pronounced protest potential. A direct relationship is established between public policy, social portrait and cultural image of the late Imperial students. The key difference between Tomsk University students is the predominance of graduates of the theological seminaries. They were characterized by such signs as diligence in learning, persistent overcoming of all material and household problems, and orientation towards the Christian ideal of self-sacrifice. At the same time, the protest potential of Tomsk students is emphasized, the roots of which are laid in a cardinal rejection of the religious and ecclesiastical worldview. In many ways, this is why Tomsk students, despite their geographical remoteness, were in corporate solidarity with the all-Russian one.

Keywords: socio-cultural image, ethos, social portrait, pre-revolutionary university, student body, Tomsk University

Financial support: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2024-0008.

For citation: Shadrin, S.M. & Raskolets, V.V. (2025) Socio-cultural image of pre-Revolutionary students in the Late Imperial period: Imperial and peripheral contexts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 170–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/18

Актуальность

Институциональные условия научно-технологического и образовательного развития Российской империи включают в себя достаточно разнородный комплекс социальных, экономических и культурных процессов под знаком которых протекало развитие государства. Это правительственные инициативы, направленные на создание и корректировку курса развития науки и технологий, взаимоотношения власти, предпринимательства и научного сообщества и др. К ним же можно отнести такой процесс как формирование культурного облика студенчества, который, на первый взгляд, не имеет отношения к проблемам безопасности государства.

Государство уделяло особое, порой чрезмерное внимание подбору благонадежных студентов в университеты, всячески стремилось оградить их от дурного идейного влияния. Несмотря на это студенческая корпорация¹ позднеимперской России представляла собой «большой пороховой погреб», угрожающий устоям империи. На рубеже XIX–XX вв. студенческие волнения неоднократно приводили к массовым остановкам работы вузов. Опасение пагубного влияния атмосферы высших учебных заведений и студенчества, по мысли Иванова [1. С. 4–5] являлось ключевым препятствием на пути к росту вузовской сети, увеличению контингента студентов, профессоров и преподавателей. Между тем, именно, высшая школа являлась ключевым актором, не только научно-технологического развития империи, но и главной «кузницей кадров» российской бюрократии. Во многом поэтому проблема формирования культурного облика студенчества может исследоваться как составная часть проблемы безопасности позднеимперской России.

Особый интерес, в контексте исследуемой проблемы, представляет студенчество Императорского Томского университета. Опасения по поводу контингента обучающихся в нём были высказаны в самых верхних эшелонах власти задолго до открытия. Близкий императору Александру III Г.К. Победоносцев писал: «...на первых порах вынуждены будут принимать и в студенты кого попало, а затем станут просить от казны денег на стипендии. Общество томское состоит из всякого сброда: можно себе представить, как оно воздействует на университет и как университет на нем отразится» [2. С. 183]. Действительно ли томское студенчество в социокультурном плане кардинально отличалось (в негативную сторону) от общероссийского? Ответу на этот вопрос, в том числе, будет посвящена данная статья.

Историография

Студенчество в России конца XIX – начала XX вв. неоднократно становилось предметом исследования. Историография его столь обширна, что ей посвящено

отдельное диссертационное исследование [3. С. 122, 169–170, 177].

Признанным классиком в истории студенчества и высшей школы России является А.Е. Иванов, которым были исследованы численность студентов, их сословно-классовая структура, национальный и половой состав, материально-бытовое и правовое положение, партийно-политический облик [4, 5].

Студенчество в настоящее время при помощи разнообразных подходов и методов исследуется как отдельная социальная группа в контекстах истории молодежи, высшей школы, политики, повседневности [6]. Среди современной историографии студенчества отдельно можно выделить работу А.Р. Маркова, в которой автор рассматривает студенческую корпоративность с позиции концепции габитуса (схемы классификации практик, сформированные вследствие определенного положения в социальном пространстве) [7].

Студенчеству Томского университета также посвящен ряд работ. С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.О. Степнов, А.Н. Кузьмин и др. затрагивали во многом те же проблемы, что и исследователи российского студенчества в целом, определяя специфику их решения на базе периферийного университета, имеющего уникальный социальный состав студентов. Авторами также было подготовлено несколько изданий с публикациями воспоминаний и писем студентов университета [8], являющихся важными для проблемы социокультурного облика источниками. Стоит отметить пласт работ, посвященных аспектам идентичности студентов ИТУ в контексте изучения проблемы асоциального поведения, проблемам государственной политики освоения восточного пространства и др. [9–11].

Таким образом, исследователями затрагивались многочисленные аспекты социокультурного облика дореволюционного студенчества при помощи различных подходов. Однако его специфика на примере Томского университета как своеобразного явления в системе высшей школы страны, затрагивалась лишь частично при рассмотрении смежных вопросов.

Теоретические рамки исследования

Понятие культурного (социокультурного, социально-культурного) облика невозможно определить однозначно. В исследовательской литературе применяются его разнообразные вариации. Так, часто можно встретить разбор культурного облика того или иного пространства человеческой жизнедеятельности – города, села, региона [12] как взаимодействия развития среды обитания как таковой и культурно-бытовых характеристик ее населения, восприятия им внешней среды. Наиболее близким к рассматриваемому в данном исследовании варианту является анализ культурного облика как набора стереотипических качеств определенной социальной группы, набора ее ментальных и этических характеристик [13].

Такое определение может быть соотнесено с не менее многозначным понятием «этос». Если в античной философии этос являлся музыкально-этическим термином [14], то в работах философов нового и новейшего времени оно приобрело более широкие значения. В понимании И. Канта моральное чувство (этос) представляет собой набор внутренних субъективных правил, особенно проявляющийся в кризисных условиях. Для М. Хайдеггера этос является пространством индивидуальной онтологии, для М. Шелера – вариативными ценностными предпочтениями и «практической моралью» определенной группы [15]. Применительно к этосу научного сообщества большую роль сыграли работы Р. Мертона, его последователей и критиков, дискутировавших по поводу норм, которыми руководствуются ученые [16].

Разные концепции и определения понятия этос рассматривались и другими авторами, однако, из них можно выделить несколько основных признаков. Этос представляет собой особую систему норм индивида или социальной группы, формирующих разделяемые ими представления о моральном и аморальном поведении, позиционирование в средах, отличных от своей собственной. Особенно ярко он проявляется в кризисных условиях, в которых распространение собственных правил на остальные группы обеспечивает большую жизнеспособность и эффективность, чем встраивание в общую систему норм. Этос обуславливается культурным обликом – на основе распространенных в социальной группе ментальных установок формируется собственная система норм. Внешнее проявление этоса, заключающееся в распространении собственных правил поведения на другие социальные группы, в таком понимании определяет взаимоотношение носителей с другими элементами общества.

Культурный облик в целом, в свою очередь, определяется внешними условиями существования сообщества – например, материально-бытовым положением, социальным происхождением, внешними атрибутами. Совокупность и взаимовлияние таких условий можно объединить понятием «социальный портрет». Социальный портрет сообщества является одним из факторов формирования его культурного облика. Культурный облик имеет несколько внешних проявлений, одним из которых является специфическая система норм и ее сопоставление с нормами других социальных элементов.

Стоит отметить, что любая социальная группа во время своего развития претерпевает различные изменения, становится менее или более сплоченной в зависимости от различных факторов. Студенческая корпорация не стала исключением. Под влиянием происшедших в стране политических событий менялись взгляды студентов, трансформировался культурный облик. Следовательно, со временем происходило разобщение некогда единого студенчества. Однако даже в разобщенных студенческих группах имели место общие элементы, позволяющие выделять их принадлежность к одной корпорации.

Государственная политика в отношении студенчества: попытки формирования культурного облика

Основные черты государственной политики в отношении студенчества университетов рубежа XIX–XX вв. были заложены уже в период Николая I. После период Великих реформ, частично либерализовавших сферу высшего образования, последовал период контрреформ, пролог к которому обозначился уже в конце 1870-х годов (увеличение платы за обучение в университетах для представителей духовного сословия).

Студент воспринимался государством как объект воздействия – «отдельный посетитель университета» [1. С. 249.]. Одной из черт, обнаруживающих преемственность с николаевским временем, было стремление решить проблему проникновения в университет «неблагонадёжных элементов». Каждый поступающий в университет был обязан предъявить свидетельство благонадёжности из местного полицейского участка, а также выписку из школьного кондунта о своем поведении. После зачисления в студенты каждый получал входное свидетельство, возобновлявшееся каждое полугодие после внесения платы за обучение. Другим обязательным документом являлся вид на жительство, который давал право проживания в городе, где учился владелец [4. С. 303]. Практика лишения вида на жительство (применявшееся зачастую после серьезных проступков студента) автоматически лишало его и права продолжения обучения в университете.

Наряду с бюрократическими препонами были введены и финансовые, поскольку считалось (небезосновательно), что выходцы из неимущих слоёв являются потенциально благоприятной средой для распространения радикальных идей. Так, после введения в действие устава 1884 г. реальная плата за обучение, включая «плату за учение» и гонорар поднялась почти вдвое, составляя в зависимости от факультета 80–100 руб. в год. Высокая плата создала искусственную конкуренцию в среде студенчества, вынуждала неимущих студентов в ущерб учебному процессу искать заработок на стороне и, в конечном счете, покидать университет.

Университет по-прежнему воспринимался правительством – как потенциальный источник беспорядков. Это прослеживалось, например, в отдельно закреплённой обязанности ректора «принимать все необходимые меры для поддержания порядка и спокойствия в университете, хотя бы меры сии и превышали принадлежащую ему власть» [17]. Каждый университет имел свою внутреннюю «полицию», состоящую из штатных инспекторов и их помощников, назначаемых министром народного просвещения. Однако инспекция имела право наблюдать за поведением студентов и вне университетских стен, несмотря на то, что юридически студенты вне университета подлежали ведению полицейских установлений «на общих основаниях» [1. С. 304.]. В числе неподобающих поступков студентов считалось «буйство» в публичном месте, оскорбление

полицейских чиновников и невыполнение их требований, неявка в срок из отпуска или по вызову вышестоящих органов, участие в мероприятиях без согласования и др.

Наряду с инспекцией, к надзору за студентами привлекался профессорско-преподавательский состав. Профессорским дисциплинарным судом, введенном в 1902 г. [18], разрешались вопросы нарушения порядка внутри университета, столкновения с должностными лицами и различные мелкие проступки [4. С. 256–257.]. Наличие этого суда служило источником постоянных трений между преподавателями и студентами.

Некоторые из охранительных мер распространялись и на культурный облик студенчества. В поле юридического образования прослеживаются нововведения по корректировке вектора обучения в связи с потребностями патриотического воспитания во времена распространения радикальной общественной мысли. Так, уставом ликвидировались кафедры истории иностранных законодательств и истории славянских законодательств с целью ограничения доступа к документам из данных областей права как источнику возможных размышлений о несостоятельности самодержавия в частности [19] и российского пути развития в целом. Из состава историко-филологического факультета в связи с теми же мотивами исключались кафедры греческой и римской словесности, истории всеобщей литературы.

Несмотря на многие подозрения в отношении университетов, государство, само того не желая, способствовало формированию внутренней корпоративной идентичности студентов при помощи особых внешних атрибутов. Этому, в частности, способствовала регламентация облика студентов – практика, учрежденная в период правления Николая I [20. С. 453–454.] и пущенная на самотёк в период Александра II. Она вводилась с целью упрощения надзора и повышения уровня дисциплины [4. С. 246.]. Так, в 1885 г. для студентов Императорских российских университетов устанавливалась форменная одежда. Ношение мундира не являлось обязательным, но на торжественных мероприятиях, студентам предписывалось «быть в одинаковой форме» [21, 22]. Нормативно определенная форма одежды воспринималась студентами как очередное выделяющее их ограничение, «насилие над личностью». Лица, осуществлявшие это «насилие» педели (вольнонаёмные служащие из отставных солдат и унтер-офицеров), которые следили за порядком внутри университета и могли делать замечания студентам по поводу их внешнего вида. Кроме того, для многих корпоративная одежда являлась особо серьезной статьей расходов. По воспоминаниям академика В.М. Алексеева, на все составляющие формы приходилось тратить более 150 рублей. По подсчетам П.К. Иванова, в течение 4-х лет на достойное обмундирование студенту необходимо было потратить 345 рублей и 20 копеек. Большая часть студентов, не имевшее в распоряжении таких крупных сумм, приобретала одежду у товарищей, на рынках и у старьевщиков [4. С. 326–329].

Нравственный аспект студенческой культуры оказался в поле зрения государства после событий первой

всероссийской студенческой забастовки 1899 г. Циркуляром Министерства народного просвещения на инспекцию возлагались обязанности установления «нравственной связи со студентами» путем поиска дополнительных заработков, жилья, обеспечения питанием и медицинскими услугами.

Государство опасалось сближения части преподавательского состава с волнующимся студенчеством, солидарность между которыми обозначилась уже в первые годы после принятия университетского устава 1884 г. и в последующем только росла. Поэтому отдельным циркуляром регламентировалась коммуникация студентов и преподавателей, разрешались научные и литературные кружки, хоры и оркестры под руководством профессоров [4. С. 250–251].

Правительство использовало в отношении студентов как «кнут», так «пряник», в зависимости от серьезности выступлений или фигуры того или иного чиновника. 20 июля 1899 г. были изданы «Временные правила», разрушившее корпоративное право студентов на отсрочку от воинской повинности на время учебы, при условии их участия в беспорядках.

«Пряник» был дарован студентам в декабре 1901 г. (в марте этого года прошла Вторая всероссийская забастовка студентов). Новые «Временные правила организации студенческих учреждений» (22 декабря 1901 г.), ознаменовали попытку выстраивания диалога и поиска компромисса со студенческой средой и, следовательно, признание ее уникальности и невозможности абсолютного прямого контроля над ней имевшимися мерами устава и правил [23]. В соответствии с ними были разрешены студенческие сходки в формате регламентированных курсовых и факультетских собраний, открытие студенческих библиотек, столовых, касс взаимопомощи, попечительств. Эти правила на время разобщили студенчество на «благомыслящее» большинство и оппозиционное меньшинство.

В годы первой русской революции положение студентов являлось, пожалуй, наиболее благоприятным. Студенческая корпорация не только смогла добиться отмены свидетельств о благонадежности и получения вида на жительство, но и организации выборных органов студенческого самоуправления, являвшихся органами защиты прав каждого студента.

В последующий период реакции между двумя революциями государству, несмотря на ожесточенное сопротивление студентов и части профессуры, удалось восстановить положение студента на момент Временных правил 1901 г. «Временные правила» от 1907 г. разделили виды студенческих собраний на публичные (балы, лекции) и частные (по академическим вопросам). Были восстановлены требования к политической благонадежности студенчества и требования к виду на жительство всех обучающихся. В январе 1911 г. собрания, не носившие научный характер, были запрещены, что спровоцировало крупнейший конфликт профессуры и правительства – «дело Кассо» [4. 252–255].

Социальный портрет студенчества в конце XIX в. – начала XX в.

Трансформация социального состава студенчества университетов на протяжении XIX в. – начала XX в. протекала, несмотря на все усилия правительства, под знаком его постепенной и неуклонной демократизации. Оценки степени этой трансформации в литературе, в целом, схожи. Так, по данным А.Е. Иванова за период 1900–1916 гг. дворянско-чиновничья группа в студенческом контингенте уменьшилась с 52 до 36% [1. С. 268]. По данным же Е.А. Ростовцева и И.В. Сидорчука, выполненных в недавнем исследовании процент дворянства и чиновничества уменьшился за период 1893–1914 гг. с 44,1 до 36% [24]. В то же время, по их мнению, несмотря на рост процента выходцев из мещан и крестьян, удельный их вес был несравненно мал: в 1916 г. непривилегированное население империи было представлено в университетах более чем в 40 раз скромнее чем привилегированное [24].

Преобладание дворянско-чиновничьей группы, конечно, не было единым в университетах империи. Наибольшей концентрации он достигал в университетах столиц, а также Киевском университете св. Владимира. В других университетах состав студенчества был более демократичным: в Юрьевском, Варшавском и Томском университетах, в которых правительство разрешало обучаться семинаристам, процент дворян был намного ниже. В Томском университете на 1 января 1914 г. эта цифра составила 1,9%, в открытом в 1912 г. Саратовском университете – 1% [1. С. 269].

Наличие большого числа выходцев из дворян и чиновников в университетах империи не означало их реальное доминирование как особой «верховой касты» в данных учреждениях. Сословное происхождение попавших в университет студентов быстро отходило на второй план, уступая корпоративной групповой идентичности. Данный процесс обозначился не на рубеже XIX–XX вв. А.И. Герцен, учившийся в Московском университете в начале 1830-х годов вспоминал: «Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества... Студент, который бы вздумал у нас хвататься своей белой костью или богатством, был бы отлучен от “воды и огня”, замучен товарищами» [25].

Всесословность была отличительной чертой российского университетского студенчества с момента появления первых высших учебных заведений в Петербурге и Москве. Это было обусловлено постоянной нехваткой способных студентов. Даже когда государство взяло курс на «одворянивание» университетов (отчётливо это проявилось в период Николая I) ситуация принципиально не изменилась. Как отмечали Е.А. Ростовцев и И.В. Сидорчук: «... российские университеты на протяжении практически всего императорского периода российской истории являлись тем плавильным котлом, в котором создавалась... русская интеллигенция» [24].

Разнообразная структура социального состава студенчества, по мнению А.Е. Иванова, также стала проекцией формирования общегражданского бессословного общества [4. С. 195].

Будущие студенты, пожелавшие учиться в университете, оканчивали классическую гимназию, либо, на правах исключения, духовную семинарию. При этом учащиеся были недовольны атмосферой, в которых протекало обучение обоих учреждений. Недовольство учащихся классических гимназий вызывала их образовательная направленность, основанная на развитии «формальной вдумчивости», умения работать с информацией посредством механического запоминания и многократно повторяемых упражнений. Обучающиеся же в духовных семинариях, по воспоминаниям А.Е. Герцена росли под гнетом монашеского деспотизма, были забиты риторикой и теологией: «они... завидовали нашей развязности; мы – досадовали на их христианское смирение» [25]. Во многом, поэтому преподаваемые в университетах науки и сам феномен учебы становились для первокурсников совершенно новым явлением. Университет предполагал возможность самореализации в идеальном и желаемом для многих общественно полезном труде и служении народу, становился местом освобождения от среды, в которой пребывал будущий студент до поступления.

Разнородность студенчества приводила к тому, что их материально-бытовое положение было неодинаковым. Это состояние осложнялось разнонаправленными социальными процессами: по мере демократизации студенчества число неимущих студентов росло. Обязательные расходы, в особенности, приезжих студентов были зачастую несоизмеримы с теми суммами, которые они везли с собой [26]. Со временем доля нуждающихся студентов снижалась, так как они не выдерживали конкуренции со студентами других категорий, не могли в срок оплачивать учебу². К началу XX века студенческие доходы постепенно росли, однако, Первая мировая война и последовавший экономический кризис империи прекратили поставили студенчество в крайне тяжелое положение [4. С. 299]. Для томского студенчества, например, ситуация с материальным положением с годами не могла стабилизироваться – увеличение числа студентов не сопровождалось ростом числа стипендиатов, повышалась плата за проживание в общежитии при сохраняющихся малых доходах [27. С. 213].

Несмотря на то, что общая численность студентов росла несоизмеримо с потребностями империи³, приём в университеты значительно отставал от общего числа желающих получить образование. Это приводило к тому, что на рубеже XIX–XX вв. общежития университетов оказались переполненными. Картина студентов, «снимающих углы» является типичной для российского студенчества того времени. Неблагоприятные жилищные условия крайне пагубно влияли на здоровье, и как следствие учебный процесс. Влияли они и на взгляды студенчества, о чем будет рассказано в следующем разделе.

Поскольку материальная поддержка от государства была невысока и оказывалась преимущественно лояльным для власти студентам, среди студенческой корпорации существовали различные формы поддержки. Ключевой из них являлись землячества, сочетавшие

функции интеграции иногородних студентов и материальной помощи. К землячествам примыкали и другие формы поддержки: бюро труда, разные формы торгово-закупочных, кооперативных студенческих столовых кассы взаимопомощи и т.п. [5].

Основные черты культурного облика студенчества в позднимперский период

При всей разнородности социального состава студенчества, существовала его уникальная корпоративная культура, явно выделяющаяся из иных групп в университетской среде. А.Р. Марков указывает на «воображаемо-реальный характер» единства студенческой культуры, где воображаемый элемент выражен невидимыми, но четкими границами отделения студенчества от других сообществ, а реальный – особыми практиками коммуникации и стандартами поведения.

Осознание студентами себя как уникальной, отдельной и противопоставляемой остальным социальной группы проявлялось еще до развития студенческого движения в полной мере в виде особого языка, описанной выше форме одежды, практик досуга и др. Общую уникальность студенческой культуры обуславливал также ее комбинированный характер – сочетание происходящих еще от средневековых университетов элементов корпоративности, российских идеалов дворянской сословности (или христианского служения и выходцев из среды духовенства) и принципов незаисимого служения науке.

Корпоративная культура студенчества отличалась такими признаками как стремление к сплоченности и единомыслию, участие в решении актуальных проблем посредством приобщения в общественно-политической деятельности. Этому способствовал учебный процесс в университете, в ходе которого устанавливалось тесное общение, а также, зачастую, оторванность большинства студентов от родного дома.

Одной из доминант культурного облика студенчества было осознание себя в качестве передовой социальной силы общества незаслуженно угнетенной и подавленной правительством и профессорско-преподавательской корпорацией. Этому всячески способствовали, с одной стороны их социально-экономическое положение и государственная политика, с другой – атмосфера университета как благородного «храма науки». «Можно ли удивляться тому, – писал профессор Московского университета П.Г. Виноградов, – что молодые люди, собирающиеся со всех концов России, представляющие все классы и состояния русского общества, испытавшие на себе тяжкие условия русской действительности... молодые люди, к которым с кафедр и из книг несется проповедь идеальных стремлений, нравственности, гуманности, самодеятельности, патриотизма, которые силою вещей собраны в многоголовое, смелое своей солидарностью общество, чтобы эти молодые люди могли относиться безучастно к византийщине, которая смотрит на них из правительственных мест и церквей, и не только смотрит, но соглядатайствует, подготавливает расправы, совершает казни?» [28].

Несмотря на различный характер государственной политики, выраженной, например, в степени автономности университетов по уставам 1863 и 1884 гг., студенчество всегда считало себя стесненным в среде «суровых, крутых порядков», вследствие чего возникла следующая отличительная черта – протестная студенческая активность, изначально направленная лишь против отдельных преподавателей и университетских порядков, затем переросшая в более серьезные волнения. Помимо саботажа университетских порядков, протестная направленность студенческой культуры выражалась в распространении запрещенной литературы, участии в студенческих сходках и, в крайнем случае – деятельности подпольных политических организаций. Политика рассматривалась студенчеством с позиции собственной корпоративной жизни и отстаивания собственных прав, при этом представители политических фракций к чисто студенческим выступлениям относились скептически и распространяли сомнения о единстве студенческой корпорации как таковой.

Во многом этому способствовал недалекий курс правительства. Свидетельство о благонадежности, которое необходимо было предъявить каждому поступающему в университет с юных лет приучало будущих университетов тщательно скрывать свое истинное отношение к социальным устоям общества. В особенности это относилось к представителям духовенства, с детства окруженного теологическо-догматической картиной мира.

Политические события эпохи подтолкнули студенчество к крайней поляризации политических собственных взглядов и росту внутренних противоречий. Тем не менее, внутри нее существовала демократическая система, решения на студенческих сходках принимались голосованием. Сходки сами по себе становились неотъемлемой частью студенческой культуры и имели собственный ритуальный характер приобщения к идеалу общности. А картина мира, противопоставляющая собственный демократизм существовавшей во круг автократии, выносилась и за пределы университетской среды.

Обостренное чувство одиночества, возникшее у студентов вдали от дома, также способствовало установлению широких товарищеских связей. Студенты заменяли друг другу семью, становясь частью большой корпорации, объединенной общими установками, противопоставленными тому обществу, в котором они действуют. Основными институтами, формировавшими эту «семейную» культуру, являлись уже упомянутые землячества. Именно землячества становились объединяющим инструментом нелегальной деятельности студентов. Из актива землячеств нередко выделялись организации революционного или либерально-реформистского характера [29. С. 71–72]. Одним из ярких примером стало сибирское землячество Петербургского университета, видные представители которого (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин) внесли большой вклад в создание Томского университета [30].

В кризисных условиях особенно сильно проявлялся этот дореволюционный студенчества. Основные его черты подробно рассмотрены А.Р. Марковым с опорой

на труд С. Кассова на примере петроградского студенчества. Наиболее аморальными преступлениями для товарищеского суда считались обман ради материальных выгод, кража, предательство, штрейкбрехерство во время студенческих выступлений⁴, «заслуживание бойкота» студентами по иным поводам [7. С. 43–54].

На идейный и культурный облик студенчества оказывала серьезное воздействие духовная составляющая, выражавшаяся как в приверженности религии, так и в поиске ответов на вопросы нравственного характера в общественно-политических учениях. Вследствие разнообразных интерпретаций идей революционной пропаганды о совершении подвига во имя народа в студенческой среде сформировалась особая «идеология» страдания, перетекающая из элемента духовной доктрины народничества в разряд «моды». Такой своеобразный духовный поиск был обусловлен, в том числе, кризисом преподавания богословия в университетах [7. С. 43–54]. Духовный кризис определил специфику деятельности христианских студенческих обществ, преследовавших те же идеалы просвещения народа и шедших вразрез с государственным православием.

Ввиду сложностей жилищного характера, студентам зачастую приходилось сосуществовать с неблагополучными соседями по съемным квартирам. Это подкрепляло ощущение вечной стесненности и протестный потенциал студенческой среды. Нахождение среди неблагополучного населения побуждало к размышлениям о проблемах общественных и государственных порядков, влияло на представление о благе и справедливости.

Отношения с студенчеством и профессуры были крайне противоречивыми. Некоторые исследователи констатируют «глубокий кризис», проявляющийся в разрыве между взглядами студентов, профессоров, университетской администрации и институтов власти. Расхождения были связаны, прежде всего, с вопросами прав и возможностей, учащихся в университете, ограничений для легального проявления студенческой самоорганизации, а также радикальной политизации студенчества [31. С. 7]. Большая часть профессуры сочувственно относилась к требованиям о расширении прав студенчества, видя в них ключ к решению университетского вопроса. Она стремились к установлению доверительных, равноправных (в противовес патерналистским) отношений со студентами.

Спектр действий в поддержку студентов варьировался от заступничества с целью смягчения наказания до отказа от чтения лекций и сотрудничества (чаще скрытого) в период студенческих забастовок. Университеты, однако, реагировали на требования студентов по-разному. В годы Первой русской революции, когда студенческая корпорация, сумев сплотиться, создала органы для борьбы за свои социально-политические права, университеты разделились. В Петербургском, Московском и Казанском университетах профессорское большинство было солидарно со студенческими организациями в вопросах их требований. В Харьковском университете профессура оказалась левее студенчества. В Киевском, Одесском и Варшавском университетах среди профессуры преобладали черносотен-

ные элементы. И только Томский и Юрьевский университеты колебались между «умеренными» и «неумеренными» [31. С. 443].

Несмотря на поддержку и сочувственное отношение, студенты относились к профессуре с большой долей недоверия, считая их ставленниками и проводниками политики правительства. Во многом этому способствовало участие профессуры и руководства университетов в политическом надзоре за студентами, «гонорарная система отношений» между студентами и профессорами, отсутствие автономии при которой часть профессуры назначалась «сверху» и др.

Инструментов воздействия против нежелательных преподавателей было немного, но они были эффективны. Самым распространенным из них являлся отказ от посещения занятий. Особенно сильным влияние студентов становилось в периоды кризисов. Под давлением студенчества негодные для студентов профессора могли вовсе покинуть университет. В тоже время студенты были готовы всячески поддерживать (вплоть до угрозы организации волнений в университете) тех профессоров, кто прислушивался к их просьбам и помогал им даже если эти профессора были «правее», чем студенты.

Социальный портрет и культурный облик студенчества Императорского Томского университета

Особенностью социального состава студенчества Томского университета, отличавшей его культурный облик от представителей остальных вузов страны, являлось большое количество выпускников духовных семинарий вследствие малого набора студентов из других социальных групп. Так, по данным С.А. Некрылова, за период 1888–1912 гг. в ИТУ обучалось около 6 927 выходцев из духовенства – почти столько же сколько детей дворян, мещан, крестьян, купцов и др. сословий – 7 613 [32. С. 256]. Эта уникальная черта обусловила специфику этических качеств томских студентов. Впрочем, по данным А.О. Степнова и С.А. Некрылова процент выходцев из духовных семинарий неуклонно снижался: с 72,8% (1901/1902 уч.г.) до 32,8% (1913/1914 уч.г.).

Мотивация для поступления в университет для семинаристов, помимо самой по себе такой возможности (отсутствующей в большинстве университетов), заключалась в надежде на развитие критического, свободного мышления, которое не могло предоставить духовное образование. Выпускник 1894 г. Д.А. Миловидов характеризовал поступающих в университет семинаристов как «бежавших со всех концов России от разочаровавшей их семинарской лженауки и неизбежного поповства на поиски настоящей науки» [32. С. 261–272]. В письмах другу Н.Д. Либеров также говорит об отрицательных сторонах духовной профессии, не предполагающей критического мышления и необходимости его развития в университете. Поэтому еще до полноценного вступления в университетскую среду, большая часть будущих томских студентов,

происходившая из духовной среды, уже составляла определенную корпорацию.

Духовное образование посеяло в головах студентов одну из определяющих все этические характеристики идей – служение во благо общества, которое теперь обеспечивалось накоплением разносторонних научных знаний и формированием собственных умозаключений. Н.Д. Либеров, рассуждая о выборе места обучения друга, основными его критериями избирает возможность приносить пользу обществу и удовлетворение стремления к знаниям, говоря об опасности профессии медика, приходит к выводу о том, что «великая цель, которую каждый из нас должен поставить в жизни, это принос[ение] пользы обществу» [33].

Первый дипломированный казахский врач А.Д. Айтбакин – выпускник ИТУ, до поступления в университет состоявший на государственной службе – окончив курс университета, желал применить полученные знания для блага своего народа [10. С. 178]. Возвышенная цель получения высшего образования подчеркивалась и В.М. Флоринским, назвавшим начало работы университета «новой духовной жизнью» [8. С. 132–136] его сотрудников и студентов.

Следствием этого, вероятно, стало отмечаемая многими мемуаристами и подтверждаемая университетскими отчетами учебная активность первокурсников, высокая посещаемость на занятиях и успеваемость. Устроитель ИТУ и попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский с удовлетворением отмечал, что студенты ИТУ – воспитанники семинарий, по сравнению с выпускниками классических гимназий, оказались «несравненно развитые, талантливые и усердные». Большинство из них относилось к повышенным требованиям преподавателей как к привилегии, хорошо выдерживало экзамены и стойчески принимало трудности проживания в далеком и суровом крае [11. С. 63].

Однако, такой «глоток свободы» вызвал в студенческой среде и некоторое отторжение религиозных практик. Зачастую оно начиналось еще со скамью духовной семинарии. Один из первых студентов ИТУ К.М. Гречищев отмечал, что именно на скамьях семинарии «ким посчастливилось знакомиться с трудами В.И. Ленина» [11. С. 64]. Своеобразное отношение к вере в Томске в целом подчеркивал Н.Д. Либеров, назвав безрелигиозность городской эпидемией [34]. В штрафной книге Томского университета также зафиксировано пренебрежительное отношение студентов к таким религиозным ритуалам как молитва до и после трапезы, отсутствие привычки молиться и опасность стать посмешищем среди товарищей как оправдание этому. Особо показательной иллюстрацией приоритета корпоративной солидарности над религиозной явилась ситуация в связи со смертью студента П.И. Быстрова. Студентами без распоряжения руководства было перенесено тело, на похоронах была спета песня на стихотворение светского содержания [9. С. 190].

Следующая особенность облика студенчества ИТУ была обусловлена отдаленностью Томска от многих населенных пунктов, откуда приезжали семинаристы.

Студентами ИТУ отмечалась сложность пути до университета, множество разнообразных непредвиденных ситуаций, гнетущая атмосфера дороги. Первые студенты ИТУ узнавали друг друга и своих преподавателей на пути в Томск, что способствовало формированию особой среды еще до начала университетской жизни. Студент 1-го выпуска медицинского факультета, будущий профессор С.М. Тимашев отметил, что он и его попутчики – будущие студенты – «сошлись в одну дружную семью» и «находились в постоянном общении» с направлявшимися в Томск профессорами А.С. Догелем, С.И. Коржинским и А.М. Зайцевым [8. С. 132–136]. Откровенные дружеские разговоры в дороге вспоминает и Н.Д. Либеров [34].

Установлению тесных отношений способствовал достаточно молодой возраст первых профессоров и преподавателей университета. Так, самому молодому из первых профессоров – С.И. Коржинскому было на момент приезда 27 лет [35. С. 142]. В среднем возраст первых профессоров ИТУ составлял чуть более 30 лет.

В особой среде формировалась и этика взаимоотношений с профессорско-преподавательским составом университета. «Учебно-деловой» характер такого довольно частого, вследствие недостатка помощников, взаимодействия также мотивировал студентов к освоению науки и достижению высоких результатов. Однако показательным случаем является продолжительное бойкотирование занятий профессора Е.В. Вернера, вызванное, по свидетельству студентов, оскорбительным поведением преподавателя. В этой ситуации проявляется не только вполне очевидная граница комфортного взаимодействия студентов и профессоров, но и единство студенчества в отстаивании своего социального статуса.

Единство проявлялась и в вопросах взаимоотношений с инспекцией. Иногда студенты прямо выражали неудовлетворение правилами, отвечали инспекторам колкими фразами, принципиально отказывались раскланиваться. Сами по себе действия инспекции в какой-то мере противостояли студенческой солидарности. В этом плане ИТУ не представлял собой исключения: как и в других университетах репрессивные меры применялись здесь в любых сферах, где имело место уклонение от субординации, свободный образ жизни [9. С. 188–189], за общие права на который боролись студенты.

В студенческой среде ИТУ не пользовалась общим уважением группа, названная студентом К.М. Гречищевым «золотой молодежью» не только (вероятно, и не столько) вследствие высокого уровня жизни при общей студенческой бедности, но из-за связей с инспекцией и наличия привилегий в вопросах стипендиального обеспечения и освобождения от платы за обучение. Он именовал таких студентов «развратителями для мало устойчивых, еще неустановившихся групп студентов»⁵. Студент юридического факультета А.Н. Морачевский (Н. Зарицын) упоминал презрение других студентов к «пижонам и франтам» [36. С. 425]. При этом, окончивший университет в 1894 г. Д.А. Милонидов замечал, что «белоподкладочников» в Томске не было вовсе [32. С. 261–272], хотя студент Л.И. Рубинштейн упоминает богатых студентов, пользовавшихся общежитием [37. С. 10]. Такое различие во

взглядах современников говорит о постепенном идейном расслоении студенческой корпорации, основанном на расслоении материальном. Тяжелое материальное положение, определяющее долю томского студенчества, со временем стало уникальной частью его культуры, основанием для протестной активности. Более обеспеченные студенты соответственно не были так сильно вовлечены в нее и выступали, скорее, на противоположной стороне.

Вследствие специфичности культуры томского студенчества, происходящей из его социального состава, особенностей образовательного процесса и городской жизни сформировалось и особое восприятие обществом студенческой среды. О том, как воспринимали Сибирский университет высшие сановники-консерваторы империи уже было показано на примере К.П. Победоносцева.

Совершенно другое отношение к студентам существовало на уровне городской среды Томска. Приветливость и внимание к первым студентам отмечали первые студенты университета С.М. Тимашев, Л.И. Рубинштейн. С.М. Тимашев подчеркивал дружелюбность к студентам городского общества всех слоев [8. С. 132–136], Л.И. Рубинштейн описывал хорошие отношения с инспектором, отзывчивость ректора, уважение к студентам попечителя учебного округа, зависящее (впрочем) от выполнения его требований к ним [37. С. 10, 16–19].

Со временем палитра отношений к студентам со стороны жителей города стала более пёстрой. И.К. Конаржевский, студент 2-го выпуска медицинского факультета, описывал ситуацию с благотворительными сборами для нуждающихся студентов – отказ городского головы от покупки билетов на студенческий вечер, а также сделанное купцом пожертвование исключительно из личных репутационных интересов [8. С. 137–144]. Такие факторы показывали постепенное разобщение студенческой культуры с другими, приводившее к изменениям в их взаимодействии.

Основные черты томского студенчества во многом оставались схожими со студенчеством общероссийским. Д.А. Миловидов выделил некоторые из них, в разной мере подтверждаемые другими авторами воспоминаний. Прежде всего – это демократичность и высокий идейный уровень [32. С. 261–272]. Стремление к постижению университетской науки как способ развития критического мышления стало частью самоидентификации и сыграло определяющую роль в разделении студентов на два идейных лагеря – стремящихся к широкому общественно-политическому образованию («радикалов») и концентрировавшихся преимущественно на своей специальности («антистов»). Тем не менее, явной вражды между этими группами не возникало.

Как и во многих университетах, особую роль в объединении студенчества, сборе средств и организации нелегальной деятельности играли землячества. В Томске к 1912 г. функционировали до 50 организованных землячеств [32. С. 276].

Ощущал ли себя студент незаменимым элементом большой корпорации и боролся ли он именно за права

всего студенчества, а не права своих землячков и товарищей, становившихся для него новой семьей? Землячества действительно оказывали серьезную материальную поддержку приезжим студентам, формировали определенные нравственные идеалы. К.М. Гречищев называет землячество «дружной семьей». Однако на основе примеров деятельности землячеств отмечается их, скорее, организационная, объединяющая функция в реализации общих корпоративных студенческих потребностей, защите общих свобод. В пример можно привести описываемую К.М. Гречищевым ситуацию общестуденческой забастовки 1899 г., присоединение к которой томского студенчества было мотивировано осознанием собственного бесправного положения. Выступавший на сходке студент призывал «пригласить... ректора университета и даже попечителя округа, заявить им протест Томского студенчества по поводу дикой расправы над Петербургским студенчеством, потребовать поддержать требование о наказании виновных в расправе» [36]. Н. Зарицын, обучавшийся на юридическом факультете, отмечает единство интересов, сознание своего «я», высокий уровень развития ответственности и корпоративной чести в студенческой среде. Описывает он и некоторые другие элементы студенческой этики: «Всякое проявление благородства и устойчивости в убеждениях поощрялись всеми силами», «студенчество жило дружно, близко придерживаясь товарищества, по пословице «все за одного и один за всех» [36. С. 425]. Более того, конфликтные ситуации, связанные с отдельными студентами, приравнивались к конфликту со студенчеством в целом. Таковым является, например, описываемый студентом К.К. Белкиным случай в столовой – появление дежурного с плетью из-за конкретного нарушившего порядок студента – было расценено как оскорбление студенчества, приговор третейского суда был вынесен как обвиняемому, так и дежурному [38. С. 79]. В результате землячества становились своеобразной школой «гражданского воспитания» через которую и посредством которой студент приучался к борьбе за общекорпоративные права студенчества.

Вывод

Государственная политика по формированию культурного облика студентов в дореволюционной России касалась лишь некоторых его аспектов. Её эффективное проведение не представлялось возможным ввиду разнородного с социальной точки зрения состава студенчества. Поэтому правительство сосредоточилось исключительно на формировании патриотизма и лояльности и введении необходимых для безопасности порядка ограничений. Восприятие студента как «отдельного посетителя университета» косвенно свидетельствовало, что направленное сверху формирование идентичности не являлось приоритетным вариантом решения студенческого вопроса, а проявления неэффективности текущей политики компенсировались на локальном уровне. Попытки выстраивания диалога со студенчеством за счёт некоторых покровительственных мер не увенчались успехом: политические собы-

тия конца XIX – начала XX вв., бедственное материальное и социально-статусное положение студентов сводили на нет немногочисленные усилия государства на этом поприще.

Студенчество Российской империи характеризовалось своей всеословностью. Преобладание дворянско-чиновничьей группы в социальном портрете студенчества не означало её доминирование здесь – корпоративная идентичность поглощала сословную замкнутость. В еще большей степени это было характерно для позднеимперского периода, когда обозначились процессы демократизации высшей школы. Сложные материально-бытовые условия, в которых оказывалось большинство студентов, логичным образом привели к живучести институтов взаимной моральной и материальной поддержки, такими как землячества. Эти институты порождались и одновременно воспроизводили протестную социальную активность. События конца XIX в. – начала XX в. способствовали материальному и политическому расслоению студенчества, однако, несмотря на отделение некоторых подгрупп («академисты», консерваторы) корпоративная солидарность только укрепилась за счёт возникновения новых форм студенческого самоуправления.

Духовные идеалы служения на благо общества, которыми было проникнуто студенчество, противопоставлялись авторитарной политике власти, что способствовало восприятию себя в качестве передовой демократичной социальной силы общества. Студенчество руководствовалось принципом «один за всех и все за одного», поддерживая также сочувствующую им часть

профессорско-преподавательского состава. Эта солидарность была естественным ответом корпорации на патерналистскую политику государства и части консервативной профессуры. Так воспроизводились христианские установки борьбы добра и зла, реинтерпретированные в социалистических идеях, коими так сильно увлекалась студенческая молодежь.

Культурный облик дореволюционного томского студенчества имел региональную специфику, обусловленную, прежде всего, его социальным составом. Опыт обучения в семинариях оказывал влияние на духовный поиск студентов – многие из них не искали утешения в вере, а, напротив, постепенно отходили от нее, осознавали невозможность привнести благо исключительно с ее помощью и стремились к изучению науки, общественной мысли. Однако изначально обусловленный духовным образованием и работой преподавателей университета курс на освоение студентами науки во благо народа перешел к общероссийской радикальной протестной направленности студенческой активности. Этому способствовали те же факторы, что в случае общероссийским студенчеством, о которых было сказано выше.

Корпоративная солидарность же оказалась одинаково сильной как в центральных, так и в периферийных университетах: студенты ИТУ протестовали и бойкотировали лекции также как и студенты Петербургского или Московского университетов. В результате корпоративная идентичность студентов позднеимперских университетов оказалась сильнее, чем их сословное происхождение, материальное положение или географическое местонахождение.

Примечания

¹ Студенческая корпорация имеет два разных значения: 1) одна из старейших форм самоорганизации студентов заимствованная по опыту немецких университетов, имевшая целью установление общения между её членами, развитие умственных навыков её участников, а также укрепление их материального положения; 2) социальная группа студентов, имеющая свои собственные цели и интересы, отличающая себя от других социальных групп и обладающая коллективной солидарностью по защите своих интересов и прав своих членов. Мы будем подразумевать под понятием «студенческая корпорация» второе значение.

² А.Е. Иванов приводит данные, согласно которым в Московском университете число неимущих студентов в 1900 г. составляло 53,2%, а уже через 5 лет из половины московских университетов неимущими оказались 21,5%.

³ Число студентов университетов за 30 лет с 1884–1913 гг. увеличилось почти в три раза с 12 415 до 35 743 человек.

⁴ Штрейкбрехер – лицо, как правило, нанимаемое на стороне во время забастовки, отказывающееся участвовать в забастовке и поддерживать забастовщиков, занимающее сторону администрации в её споре с забастовщиками и поддерживающее её своим выходом на работу в период забастовки. Применительно к студенчеству штрейкбрехерами называли тех, кто продолжал учиться в период студенческих волнений.

⁵ Учитывая деятельность К.М. Гречищева в студенческие годы, возможно, под «развращением» следует понимать, в том числе, прививание лояльности к представителям власти.

Список источников

1. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Искра революции, 1991. 392 с.
2. Турунов А.Н. Победоносцев и "Московские Ведомости" об открытии Томского университета (историческая справка) // Северная Азия. 1928. Кн. 5/6. С. 181–183.
3. Камчатнов Г.А. Отечественная историография дореволюционного русского студенчества: 1860 – февраль 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 249 с.
4. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 416 с.
5. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 407 с.
6. Ромахова А.А. Современная отечественная историография студенчества России позднеимперского и раннесоветского периодов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 141–150. doi: 10.17223/15617793/511/14
7. Марков А.Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 255 с.
8. Логвинов С.В., Некрылов С.А., Алябьев Ф.В. Лечебный факультет Сибирского государственного медицинского университета: от основания до наших дней. Томск: Печатная мануфактура, 2013. 251 с.
9. Степнов А.О., Фоминых С.Ф. По страницам штрафной книги: система наказаний и практики сопротивления студенчества дисциплинарному надзору в Императорском Томском университете (1893–1899 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 184–197. doi: 10.17223/15617793/443/23
10. Фоминых С.Ф., Кузьмин А.Н., Некрылов С.А. Амре Айтбакин – воспитанник Императорского Томского университета, первый дипломированный казахский врач // Сибирский медицинский журнал (г. Томск). 2011. Т. 26, № 1–1. С. 177–180.
11. Степнов А.О., Некрылов С.А. Русский контингент студенчества Томского университета в свете национальной политики императорской России в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2022. № 69. С. 53–72. doi: 10.17223/18572685/69/4

12. Алисов Д.А. Социально-культурный облик «провинциальных столиц» Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 263–272.
13. Новикова Е.В. Социо-культурный облик современной китайской диаспоры Малайзии и Сингапура // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2008. № 11. С. 193–205.
14. Афаг А.к.Г. Концепция этос в философии Платона и Аристотель // Восточно-Европейский научный журнал. 2022. № 1–2 (77). С. 40–44.
15. Разова Е.Л. Проблема определения понятия «этос». Философский аспект // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (40). С. 43–49.
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. 873 с.
17. Университетский Устав (18 августа 1884) // Летопись Московского университета. URL: <https://letopis.msu.ru/documents/2761> (дата обращения 24.08.2025).
18. Суязов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской империи // Вестник науки и образования. 2015. № 5 (7). С. 101–105.
19. Биюшкина Н.И. Политика Александра III в сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 37–43.
20. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. М., 2012. 671 с.
21. Высочайшее повеление, объявленное Министром Народного Просвещения (Собр. Узак. 1885 г. I июня 4, ст. 513) – О форме одежды студентов Императорских Российских университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Св. Владимира и Новороссийского // Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php?regim=4&page=192&part=1479 (дата обращения: 24.08.2025).
22. Высочайшее повеление, объявленное Министром Народного Просвещения (Собр. Узак. 1886 г. I июня 24, ст. 513) – О разрешении студентам Университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Новороссийского, Св. Владимира и Варшавского, а также студентов Историко-Филологических институтов С.-Петербургского и Князя Безбородко в Нежине и Лицеев Цесаревича Николая в Москве и Демидовского Юридического, носить парусные и белые сюртуки, а также фуражки с белыми чехлами. // Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1493&regim=3 (дата обращения: 24.08.2025).
23. Завьялов Д.А. Временные правила организации студенческих учреждений 22 декабря 1901 г. // Клио. 2006. № 1 (32). С. 105–111.
24. Российские университеты XVIII–XXI веков: Разрывы и преемственность / М.В. Грибовский, А.Ю. Андреев, Р.Р. Вахитов, И.Г. Дежина, В.В. Расколец, А.А. Ромахова, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, А.О. Степнов, Д.В. Хаминов ; под ред. М.В. Грибовского. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2025. 456 с.
25. Герцен А.И. Былое и думы. URL: <https://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/byloe-i-dumy/1-glava-vi.htm?ysclid=memyug9om4912084082> (дата обращения: 31.08.2025).
26. Юркина Н.Н. Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX – начала XX века // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 53–61.
27. Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 207–214.
28. Что делается и что делать в русских университетах? // Виноградов П.Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 141–154.
29. Баринов Д.А. Студенческие землячества императорского и советского университета // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2 (34). С. 71–81.
30. Некрылов С.А. Областники и первый сибирский университет // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 141–148.
31. Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
32. Сибирский государственный медицинский университет. Иллюстрированные страницы летописи : в 3 т. Т. 1: Медицинский факультет Императорского (государственного) Томского университета (1878–1930) / С.А. Некрылов ; под ред. акад. РАН В.В. Новицкого. 2023. 740 с.
33. Музей истории ТГУ. Ф. 1. Д. 303: Письмо студента Н.Д. Либерова № 6.
34. Музей истории ТГУ. Ф. 1. Д. 303: Письмо студента Н.Д. Либерова № 5.
35. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1 / науч. ред. С. Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 514 с.
36. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 508 с.
37. Рубинштейн Л.И. Воспоминания первого студента Императорского томского университета. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1913. 30 с.
38. Кузьмин А.Н. Из жизни томского студента: письма К.К. Белкина к народовольцу Н.А. Морозову (1916 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 78–83. doi: 10.17223/15617793/411/11

References

1. Ivanov A.E. Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. M. : Iskra revolyutsii, 1991. 392 s.
2. Turunov A.N. Pobedonostsev i "Moskovskie Vedomosti" ob otkrytii Tomskogo universiteta (istoricheskaya spravka) // Severnaya Aziya. 1928. Kn. 5/6. S. 181–183.
3. Kamchatnov G.A. Otechestvennaya istoriografiya dorevolyutsionnogo russkogo studenchestva: 1860 – fevral' 1917 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 249 s.
4. Ivanov A.E. Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba. M. : ROSSP-EN, 1999. 416 s.
5. Ivanov A.E. Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii. M. : Novyy khronograf, 2004. 407 s.
6. Romakhova A.A. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya studenchestva Rossii pozdneimperskogo i rannesovetskogo periodov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 511. S. 141–150. doi: 10.17223/15617793/511/14
7. Markov A.R. Chto znachit byt' studentom: raboty 1995–2002 gg. M. : Novoye literaturnoye obozreniye, 2005. 255 s.
8. Logvinov S.V., Nekrylov S.A., Alyab'yev F.V. Lechebnyy fakul'tet Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta: ot osnovaniya do nashikh dney. Tomsk : Pechatnaya manufaktura, 2013. 251 s.
9. Stepnov A.O., Fominykh S.F. Po stranitsam shtrafnoy knigi: sistema nakazaniy i praktiki soprotivleniya studenchestva distsiplinomomu nadzoru v Imperatorskom Tomskom universitete (1893–1899 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 443. S. 184–197. doi: 10.17223/15617793/443/23
10. Fominykh S.F., Kuz'min A.N., Nekrylov S.A. Amre Aytbakin – vospitannik Imperatorskogo Tomskogo universiteta, pervyy diplomirovanny kazakhskiy vrach // Sibirskiy meditsinskiy zhurnal (g. Tomsk). 2011. T. 26, № 1–1. S. 177–180.
11. Stepnov A.O., Nekrylov S.A. Russkiy kontingent studenchestva Tomskogo universiteta v svete natsional'noy politiki imperatorskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v. // Rusin. 2022. № 69. S. 53–72. doi: 10.17223/18572685/69/4

12. Alisov D.A. Sotsial'no-kul'turnyy oblik «provintsial'nykh stolits» Zapadnoy Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. 1998. № 6. S. 263–272.
13. Novikova YE.V. Sotsio-kul'turnyy oblik sovremennoy kitayskoy diaspory Malayzii i Singapura // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'n-yye problemy razvitiya. 2008. № 11. S. 193–205.
14. Afag A.k.G. Kontsepsiya etos v filosofii Platona i Aristotel' // Vostochno-Evropeyskiy nauchnyy zhurnal. 2022. № 1–2 (77). S. 40–44.
15. Razova YE.L. Problema opredeleniya ponyatiya «etoS». Filosofskiy aspekt // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. 2023. № 3 (40). S. 43–49.
16. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M. : ACT, 2006. 873 s.
17. Universitetskiy Ustav (18 avgusta 1884) // Letopis' Moskovskogo universiteta. URL: <https://letopis.msu.ru/documents/2761> (data obrashcheniya 24.08.2025).
18. Suyazov V.V. Professorskiy distsiplinarynyy sud v vuzakh Rossiyskoy imperii // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2015. № 5 (7). S. 101–105.
19. Biyushkina N.I. Politika Aleksandra III v sfere obrazovaniya // Aktual'n-yye problemy rossiyskogo prava. 2010. № 3. S. 37–43.
20. Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka / pod obsch. red. A.YU. Andreyeva i S.I. Posokhova. M., 2012. 671 s.
21. Vysochaysheye poveleniye, ob'yavlennoye Ministrom Narodnogo Prosveshcheniya (Sobr. Uzak. 1885 g. I iyunya 4, st. 513) – O forme odezhdyy studentov Imperatorskikh Rossiyskikh universitetov: S.-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo, Khar'kovskogo, Sv. Vladimira i Novorossiyskogo // Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=192&part=1479 (data obrashcheniya: 24.08.2025).
22. Vysochaysheye poveleniye, ob'yavlennoye Ministrom Narodnogo Prosveshcheniya (Sobr. Uzak. 1886 g. I iyunya 24, st. 513) – O razreshenii studentam Universitetov: S.-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo, Khar'kovskogo, Novorossiyskogo, Sv. Vladimira i Varshavskogo, a takzhe studentov Istoriko-Filologicheskikh institutov S.-Peterburgskogo i Knyazya Bezbordko v Nezhine i Litseyev Tsesarevicha Nikolaya v Moskve i Demidovskogo Yuridicheskogo, nosit' parusn-yye i bel-yye syurtuki, a takzhe furazhki s belymi chekhkami. // Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1493&regim=3 (data obrashcheniya: 24.08.2025).
23. Zav'yalov D.A. Vremenn-yye pravila organizatsii studencheskikh uchrezhdeniy 22 dekabrya 1901 g. // Klio. 2006. № 1 (32). S. 105–111.
24. Rossiyskiye universitety XVIII–XXI vekov: Razryvy i preymstvennost' / M.V. Gribovskiy, A.YU. Andreyev, R.R. Vakhitov, I.G. Dezhina, V.V. Raskolets, A.A. Romakhova, YE.A. Rostovtsev, I.V. Sidorchuk, A.O. Stepnov, D.V. Khaminov ; pod red. M.V. Gribovskogo. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2025. 456 s.
25. Gertsen A.I. Byloye i dumy. URL: <https://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/byloe-i-dumy/1-glava-vi.htm?ysclid=memyug9om4912084082> (data obrashcheniya: 31.08.2025).
26. Yurkina N.N. Material'noye polozheniye uchashcheyasya molodezhi Rossiyskoy imperii XIX – nachala KHKH veka // Prepodavatel' KHKHI vek. 2016. № 1. S. 53–61.
27. Zheravina A.N. Povsednevnyaya zhizn' studentov Tomskogo universiteta na rubezhe XIX–XX vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 281. S. 207–214.
28. Chto delayetsya i chto delat' v russkikh universitetakh? // Vinogradov P.G. Rossiya na rasput'ye. Istoriko-publitsisticheskiye stat'i. M., 2008. S. 141–154.
29. Barinov D.A. Studencheskiye zemlyachestva imperatorskogo i sovetskogo universiteta // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2022. № 2 (34). S. 71–81.
30. Nekrylov S.A. Oblastniki i pervyy sibirskiy universitet // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 295. S. 141–148.
31. Gribovskiy M.V. Professorsko-prepodavatel'skiy korpus imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppa rossiyskogo obshchestva. 1884 g. – fevral' 1917 g. : dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk, 2018. 804 s.
32. Sibirskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet. Illyustrirovann-yye stranitsy letopisi : v 3 t. T. 1: Meditsinskiy fakul'tet Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta (1878–1930) / S.A. Nekrylov ; pod red. akad. RAN V.V. Novitskogo. 2023. 740 s.
33. Muzey istorii TGU. F. 1. D. 303: Pis'mo studenta N.D. Liberova № 6.
34. Muzey istorii TGU. F. 1. D. 303: Pis'mo studenta N.D. Liberova № 5.
35. Nekrylov S.A. Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.). T. 1 / nauch. red. S. F. Fominykh. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 514 s.
36. Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov / S.F. Fominykh, S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskiy, A.V. Litvinov [i dr.]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2014. 508 s.
37. Rubinshteyn L.I. Vospominaniya pervogo studenta Imperatorskogo tomskogo universiteta. Tomsk : Parovaya tipografiya N.I. Orlovoy, 1913. 30 s.
38. Kuz'min A.N. Iz zhizni tomskogo studenta: pis'ma K.K. Belkina k narodovolt'su N.A. Morozovu (1916 g.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 411. S. 78–83. doi: 10.17223/15617793/411/11

Информация об авторах:

Шадрин С.М. – лаборант проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, студент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sergschadrin@yandex.ru

Расколец В.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, старший преподаватель кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.M. Shadrin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergschadrin@yandex.ru

V.V. Raskolets, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.09.2025;
одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 02.09.2025;
approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*